
Игра
в
Королевство
Марина Клейн

Марина Клейн

Игра в Королевство

«Автор»
2026

Клейн М.

Игра в Королевство / М. Клейн — «Автор», 2026

Ради эффектного снимка для блога Вероника и Катька пробираются в заброшенную психиатрическую больницу, из которой когда-то исчезли несколько детей. С этого дня жизнь Вероники бесповоротно меняется: она становится свидетельницей чего-то страшного и необъяснимого, ее начинают преследовать пугающие видения.Вместе с новыми знакомыми, Алексом и Даниэлем, Вероника пытается выяснить, что скрывают стены заброшенной больницы, какая загадочная игра объединяла пропавших детей и как все это связано с ее школой.

© Клейн М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Старая больница 6
Глава 2. Пятый столик у окна 14
Глава 3. Западня 20
Глава 4. Дом возле парка 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Игра в Королевство

«Игра в Королевство», автор Марина Клейн

Глава 1. Старая больница

— Вот здесь, — сказал Вадим Олегович, распахивая дверь подвала.

Он щелкнул выключателем. Над самым входом зажглась лампочка, желтая, как спелый лимон.

Вероника первой переступила порог и огляделась. Ничего особенного: грязноватая комната, заваленная всяким хламом. У стен стояла старая мебель, по углам громоздились коробки и ящики. И только темный проход, ведущий вглубь подвала, вызывал в душе холодное шевеление.

Вадим Олегович протиснулся мимо Вероники и спокойно прошел прямо в темную пасть.

— Так, отсюда почти все убрали… Ладно.

Он вернулся и широким жестом показал фронт работ.

— Подметите тут все. Щетка вон там, в углу. Переставлять хлам не обязательно, нам так, символическую чистоту навести надо.

— Что это тут навалено? — Катька так и стояла снаружи, демонстрируя полное безразличие, и хмуро смотрела на пол, усыпанный песком, мелкими камнями, обрывками клейкой ленты и какой-то шелухой.

— Рабочие ходили по всему подвалу, нанесли всякого. Подметите тут и в следующем помещении. Этого достаточно. Но чтобы обе работали, ясно? — Вадим Олегович оглянулся через плечо и бросил на Катьку тяжелый взгляд.

— Ну конечно. Чего вы так на меня смотрите? Понятное дело. Вместе ведь дежурим.

Школьный завхоз ушел.

— Надо поскорее с этим разделаться, — прошептала Катька. — Нам еще разговор предстоит.

— Какой разговор?

— Серьезный. Давай, убирай скорей, — Катька ткнула в сторону щетки с таким видом, словно от нее можно было заразиться тяжелой болезнью. — Мне неохота здесь торчать.

— Может, поможешь тогда? — спросила Вероника, впрочем, не слишком надеясь на положительный ответ.

— А может, врезать тебе?

Вероника молча прошла мимо и взяла щетку. Катька уселась на порог и уткнулась в смартфон.

Для начала Вероника направилась во второе помещение. С порога казалось, что в нем царит непроглядная темень, но на самом деле свет доходил и туда, так что грязь на полу была заметна невооруженным глазом. Дальше чернел еще один проход, где уже точно был кромешный мрак, и Вероника мысленно порадовалась, что туда идти не надо. Темнота сама по себе особого страха не вызывала, но атмосфера подвала нагоняла жути вопреки здравому смыслу.

Жесткая щетка, пробегая по полу, издавала противный резкий звук, который будто бы затягивало вглубь подвала. Время от времени Вероника нервно поглядывала на зияющий проем. Он напоминал вход в доисторическую пещеру, где нет ничего, кроме мрака.

Наконец у стенки собралась приличная горка мусора. Вероника принялась выметать обрывки ленты и непонятную шелуху в первое помещение.

Вдруг за спиной раздался глухой хлопок. Как будто кто-то с силой ударил ладонью по песку. А потом еще. И еще.

Вероника оглянулась. Проем по-прежнему жутко темнел и вместе с тем притягивал взгляд. Но разглядеть что-либо за стеной мрака не представлялось возможным.

— Что ты там застряла? — недовольно крикнула Катька.

— Да так. Стучит что-то.

— Мало ли что тут стучит. Мы же в *подвале*, — Катька произнесла это как можно более выразительно и сморщила нос, всем видом показывая: ей здесь не место.

Мусор полностью перекочевал ко входу. Хлопки продолжались, но Вероника не обращала на них внимания. И правда, подвалу, если подумать, полагается шуметь — хотя бы немножко.

Вскоре порядок был наведен — мусор собран и вынесен, а щетка поставлена на место.

— Наконец-то! — Катька поднялась на ноги и потянулась. — Пойдем в «Черешню».

— Пойдем. Только у Вадима Олеговича отметимся.

Напоследок Вероника окинула взглядом проделанную работу и удовлетворенно улыбнулась: стало намного чище. Только тьма в проеме будто скукожилась, противореча всем законам физики. И, вдобавок, зашевелилась, как если бы там затаилась огромная черная змея, которая полностью сливалась с темнотой, и потому был виден лишь намек на нее, но не она сама.

Хлопанье к тому времени успело утихнуть.

— Ерунда, — сказала Вероника сама себе, а затем выключила свет и прикрыла дверь.

Где-то вдалеке раздался протяжный скрип, а может, приглушенный расстоянием вопль.

Вероника предпочла списать все на звуки, которые, по Катькиному мнению, просто обязан был издавать подвал. В шестнадцать лет уже поздновато фантазировать о призраках трагически погибших учеников или загадочных школьных монстрах.

Вадим Олегович положился, как он выразился, на «благонадежность» Вероники и засчитал им дежурство, не спускаясь в подвал. Пока завхоз ставил подписи в табеле, Катька жаловалась на усталость и зверски трудное задание.

— Вадим Олегович, — сказала Вероника. — Подвал шумит.

— Шумит, — эхом отозвался завхоз, тяжело вздохнул и пожелал им хорошего вечера.

Народу в «Черешне» собиралось немало, но он всегда умудрялся занять одно и то же место. Вероника отсчитала пятый столик в ближайшем ряду, пробежалась взглядом до окна и увидела за шумной компанией семиклассников знакомую темноволосую макушку.

Значит, он снова пришел. Можно подумать, днюет и ночует в этом кафе. Заняться ему, что ли, нечем?

— Эй! — рявкнула Катька. — Я с тобой разговариваю. Куда ты пялишься?

Она оглянулась через плечо. Как назло, именно в этот момент семиклассники похватали сумки и направились к выходу, оставив после себя гору пустых стаканов и использованных салфеток. И Катька, конечно, сразу поняла, куда смотрела Вероника. Высокий молодой человек лет двадцати пяти был весьма хорош собой.

— Ничего себе замашки, — присвистнула она. — Ну, с таким парнем тебе точно ничего не светит.

Вероника смутилась и попыталась объяснить:

— Да я не потому… Я просто его видела еще месяц назад… Он был в сутане, ну, в таком церковном платье. Как в кино.

Катька снова смерила молодого человека оценивающим взглядом.

— Вполне ничего, конечно, но на кинозвезду не тянет. Может, косплеер какой-нибудь.

— Это было рядом с церковью.

— Еще лучше, — фыркнула Катька. — Тогда тебе вдвойне ничего не светит.

Вероника предпочла не развивать тему. Все вышло совершенно случайно: она заметила его здесь, в «Черешне», а потом увидела, проходя мимо церкви. Молодой человек стоял у входа и разговаривал с людьми, пожимал им руки, что-то спрашивал. Его вид поразил Веронику — она точно не ожидала увидеть подобное преображение на улицах их маленького городка. И, надо же было так случиться, на следующий день она опять увидела его в «Черешне», и опять в джинсах и рубашке.

С тех пор, приходя сюда, Вероника искала его взглядом и почти всегда находила за пятым столиком, с высоким бумажным стаканом. Иногда молодой человек был не один, напротив него можно было заметить мужчину или женщину средних лет. Они беседовали, и, по-видимому, на очень серьезные темы. Но чаще загадочный парень пил кофе в полном одиночестве.

Катьке бесполезно объяснять, что дело не в симпатии и не в глупых мечтах. Единственной робкой мечтой Вероники было просто поговорить. Откуда он? Неужели и правда священник? Почему он бывает здесь так часто и кто все эти люди, которые к нему подходят?

— Давай к делу! У меня рейтинг падает, а она тут на святошу пялится.

Последнюю часть фразы Катька, то ли случайно, то ли намеренно, произнесла особенно громко. Несколько человек обернулись. Вероника побагровела и опустила глаза, изо всех сил надеясь, что молодой человек ничего не услышал.

Катька тем временем поколдовала с телефоном, открыла свою страничку в соцсети и показала последнюю фотографию. Камера запечатлела ее на мосту, наряженную и накрашенную, а за Катькиной спиной неторопливо несла свои воды местная речка. Увы, незадачливый фотограф — Вероника — зацепила и край берега, усыпанного мусором.

— Лайков — жалких две сотни! — негодовала Катька. — Комментарии — один другого хуже! И самое ужасное, что они правы — места у нас кошмарные, ничего интересного, стыдно здесь жить и так далее. Еще один такой провал, и от меня все отпишутся.

— Но от меня-то ты чего хочешь? — спросила Вероника. — Перевезти тебя в Париж или хотя бы в Москву я не могу.

— Предложи действительно интересное место и сфотографируй меня там. Только нормально, а не как в прошлый раз.

— Давай приберемся на том берегу, а потом сфотографируем процесс и результат. Экоактивизм сейчас популярен.

— Еще не хватало! — Катька сморщила нос. — Нет, никакого копания в мусоре. Давай что-нибудь другое. Необыкновенное, оригинальное. Такое, чтобы мне понадобилось прикупить новое платье, понимаешь?

Вероника глотнула капучино и глубоко задумалась. Ей совсем не хотелось снова заниматься этой ерундой и уж тем более рисковать собой, добираясь до «необыкновенного» места. Пару недель назад Катька потребовала фото на крыше шестнадцатиэтажки. Снимок получился что надо, но от высоты у Вероники закружилась голова, и она лишь чудом не свалилась вниз. Вдобавок их заметила знакомая женщина из дома напротив и сообщила обо всем Ларе, мачехе Вероники. Им с Катькой влетело по полной программе: за взлом двери на чердак, «неразумное поведение» и «опасное увлечение селфи», как это фигурировало в отчете школьного психолога. Хотя никакого селфи как раз и не планировалось, иначе зачем бы Катьке понадобилась Вероника?

Но выхода не было. Вероника знала: Катька не даст ей покоя и все равно добьется того, чего хочет.

— Может, сменить направление. Сделать упор на то, что у нас тут жуткое местечко…

— Ну-ка ну-ка? — Катька подобралась.

— Я имею в виду, выбрать что-то не просто грязное, а именно жуткое, — неуверенно продолжила Вероника. — Как в фильме ужасов. Может, кладбище. Там у нас тоже разруха, конечно, но впечатление будет совсем другое.

— Да, готичненько! — обрадовалась Катька. — Идея мне нравится, только чур давай не кладбище. А то приплетут какой-нибудь бред вроде того, что мы могилы разоряем, оскорбляем чьи-то чувства и так далее. Надо другое. Заброшенный дом, например…

Она принялась за поиски в интернете. Обреченно думая о том, что придется лезть в какое-то страшное место, Вероника снова посмотрела на пятый столик у окна. К молодому человеку подсел пожилой мужчина, и они увлеченно беседовали.

— Вот, смотри, — отвлекла ее Катька. — Заброшенная психушка! Жуть какая, я и не знала, что у нас такое есть. Ого… Ну ничего себе! Ты знала, что у нас такое случилось?

— Что?

Катька подняла на нее горящие глаза.

— Обалдеть просто. Пишут, что восемь детей пропало. Прям из больницы!

Ее голос был полон восторга, словно исчезновение детей — какое-то радостное событие. Веронику передернуло от отвращения, в ушах зашумело. Она поняла, что вот-вот скажет какую-нибудь дерзость.

Нужно было срочно отвлечься. Вероника воспользовалась проверенным методом: попыталась проиграть в голове популярную песню. Но вместо хита последней недели почему-то заиграл дурацкий детский мотив. «В наше королевство…» Дальше она не помнила.

— Фейк, наверное.

— Думаешь? — Катька поводила пальцами по экрану и нахмурилась. — Да, информации маловато… Но место все равно отпадное. Пойдем туда.

— Прямо сейчас? Ты в таком виде будешь фотографироваться?

Катька всегда серьезно подходила к одежде и макияжу. Для каждой локации она подбирала особые цвета и стиль. Если в ее всеобъемлющем гардеробе не находилось ничего подходящего, она зависала в интернет-магазинах, тщательно выбирая все необходимое.

— Спятила, что ли? Конечно, нет. Просто посмотрим. Тут только фотография самого здания, а мы должны посмотреть, что внутри, чтобы я подобрала все как надо. Давай-давай, это не так уж далеко, за сорок минут доберемся.

— В наше королевство ведет одна дорога… — пропела Вероника.

— Чего?

— Песня заела, из детства. Кажется, мы ее пели в первом классе.

— Впервые слышу. Ну, пошли.

Вероника со вздохом поднялась и бросила прощальный взгляд на пятый столик. Молодой человек снова был один, разговаривал с кем-то по мобильному телефону.

До бывшей детской психиатрической больницы №17 нужно было ехать на автобусе, а потом еще идти добрых двадцать минут. Здание располагалось на отшибе, за промзоной, окончательно заглохшей несколько лет назад. По пути Катька сосредоточенно искала информацию. Идея сделать «готичное» фото в комплекте со страшной историей ей очень понравилась.

Вероника с тоской думала, что устроит Лара, когда она вернется домой. Рассчитывать на защиту отца не приходилось: он предпочитал самоустраняться при любом намеке на конфликт, да и вообще заметно отдалился от дочери. Дома Вероника чувствовала себя лишней. Будь ее воля, она бы сняла комнату и жила одна, но даже заикаться об этом не имело смысла — лишних денег в семье не водилось. Она пыталась заработать сама, однако из-за школы и возраста ничего не получалось: подростков брали на работу немногие, да и зарплаты платили смешные. На каникулах Вероника раздавала листовки, расклеивала объявления, делала уборку в детском саду и помогала в библиотеке, но скопить мало-мальски серьезную сумму ей так и не удалось. А потом произошел случай с Катькой… Но эти воспоминания Вероника спешно отогнала, больно уж неприятными они были.

Автобус выпустил их на нужной остановке, отмеченной ржавым столбом с покосившейся табличкой. Больше никто не вышел. Место было пустынным и грязным. По одну сторону дороги тянулся карьер, по другую — бетонные ограды брошенных предприятий.

— Вроде бы нам туда, — Катька указала на пространство между двумя глухими стенами.

Ей пришлось вынырнуть из интернета, чтобы ненароком не споткнуться о каменную плиту или железную трубу — этого добра здесь хватало. Похоже, дорогой давным-давно никто не пользовался.

— Ну и местечко! — Катька осторожно обошла грязную лужу с химическими разводами, боясь испортить новые кожаные ботинки. Их фиолетовый цвет высоко оценили все старшеклассники, поэтому так скоро прощаться с обувью Катька не собиралась.

— Отвратное, — согласилась Вероника. — Может, домой?

— Размечталась! Ты чего такая кислая? По святоше своему сохнешь?

— Да отстань ты. Мне просто дома влетит.

— Удивила. Тебе всегда влетает.

На это возражений не нашлось. Хотя Вероника была уверена: сегодня ей влетит по-особенному, так как предполагалось, что после школы она поможет навести порядок на лоджии. Последний урок заменили дежурством. На него ушло не так много времени, и можно было позволить себе посидеть в «Черешне», но все временные резервы уже давно вышли.

За бетонными заборами, из-за которых выглядывали голые ветви деревьев и плоские крыши, последовала самая настоящая свалка. Огромный пустырь был завален кучами строительного мусора, какими-то бочками, канистрами и даже обломками автомобилей. Дальше виднелся небольшой холм, на котором стояло длинное здание.

— Ага, это оно и есть, — Катька сверилась с картой и недоуменно осмотрелась. — Какой ужас! Здесь реально кого-то лечили? Да уже по дороге к психушке можно свихнуться так, что мозги в жизни обратно не встанут.

— Когда, говоришь, больницу закрыли?

— Ровно десять лет назад. Как дети усвистели куда-то, так и закрыли.

Вероника остановилась между кучами мусора и, нахмурившись, огляделась по сторонам.

— Мне кажется, раньше тут все было по-другому. Не могло быть так возле больницы… Здесь было что-то еще, а потом это снесли и пустырь завалили мусором.

— И что же тут, по-твоему, было? — спросила Катька.

Вероника снова огляделась и зацепилась глазами за погнутую металлическую конструкцию, выглядывающую из груды канистр и покрышек.

— Качели. Точно, качели. Наверняка здесь была детская площадка. Смотри, вон там пни. Значит, были деревья. Дорога вела мимо них сначала к площадке, а потом уже к больнице.

«В наше королевство ведет одна дорога…» — немедленно заиграло в голове.

— Вот привязалась, — пробормотала Вероника.

— Да, наверное, и правда так, — протянула Катька. — Хотя мне больше нравится моя версия — тут все так и было, дорога испугала детей, и они взяли и убежали куда глаза глядят, лишь бы не возвращаться по ней обратно! Вот тебе и исчезновение, — она глупо захихикала.

Они пробрались через залежи мусора и стали подниматься на холм. Веронике было не по себе. Катьке тоже, хотя она и старалась не подавать вида. Мрачное серое здание с зарешеченными окнами произвело бы гнетущее впечатление, даже если бы никто не знал, что здесь находилось.

Главный вход был заметен издали — он смотрел прямо на них. Крыльцо напоминало школьное, с толстым прямоугольным козырьком из металла. Ступени побились и поросли травой и мхом. Рядом валялись полиэтиленовые пакеты, пустые бутылки, шприцы.

— Может, не будем заходить? — попытала счастья Вероника. — Вдруг там наркоманы. Или бомжи. Мало ли.

— Если так, ты отвлекаешь, а я звоню в полицию, — спокойно ответила Катька. — Иди-иди. Хорошая фотография требует жертв.

— Человеческих?

— Так. Хватит ныть, поняла?

Когда Катька говорила в таком тоне, спорить с ней было опасно. Вероника знала это не понаслышке, да и левая рука напомнила тягостной болью, что лучше послушаться. И она покорно поднялась по ступеням.

— Что там?

Вероника увидела цветные стекла регистратуры, похожие на калейдоскоп. Рядом лежал перевернутый столик, валялись старые пружины от дивана. По всему помещению были разбросаны бумаги, обломки мебели, пустые баночки из-под лекарств.

— Приемная. Тут довольно чисто.

Убедившись, что внутри безопасно, Катька вприпрыжку преодолела ступеньки.

— Фу! — поморщилась она. — И это ты называешь чисто?

— Я имею в виду, тут нет мусора, — внесла ясность Вероника. — Смотри, вроде все больничное. Ни банок, ни сигарет.

— Ну, люди не дураки, зачем сидеть в приемной, если можно пройти подальше? И мы пойдем. Нам бы найти палаты, вот где можно будет сделать классные фотки. Как думаешь, куда нам?

— На верхние этажи, наверное.

В здании было четыре этажа. Справа от регистратуры — два лифта, двери одного были распахнуты, в кабине — стул. Кто-то поставил его точно в центре, словно чтобы устроить лучший обзор входа, и поняв это, Вероника ощутила неприятный холодок в желудке.

Двери второго, большого, лифта были закрыты.

— Ничего себе размерчик, — присвистнула Катька. — Это зачем?

— Наверное, чтобы перевозить пациентов на каталках. Ну, и тележки с лекарствами.

— Да ты у нас профи, как я погляжу.

Вероника предпочла не отвечать и направилась к лестнице. Выход к ней располагался прямо возле открытого лифта. Проходя мимо него, Катька наклонилась, рванула к себе стул и швырнула его на пол.

— Бесит, — объяснила она свои действия.

Вероника кивнула. Стул ее, скорее, тревожил, но она была рада, что он больше не мозолит глаза.

Довольно чистая лестница очень скоро привела их к первому разочарованию. Вход на второй этаж прикрывала тяжелая металлическая дверь. Катька приоткрыла ее и увидела еще две двери — справа и слева. Обе оказались заперты.

— Ну вот еще, — лицо Катьки вытянулось. — А если тут все закрыто?.. Пойдем выше. Что за люди, — бурчала она, стуча каблуками по ступеням, — тут же дети лежали, а не буйные какие-то, зачем столько дверей?

— Наверняка буйства и у детей бывают.

— Ага, как у Ленки зимой, — хохотнула Катька.

Вероника порадовалась, что идет впереди и не придется корчить фальшивую улыбку. Она не видела в том случае ничего смешного. У Лены Ивановой из параллельного класса на уроке физики случилась истерика, и она едва не выбросилась из окна. Вероника помнила, как страшно кричала Лена и как билась в руках учителя и одноклассников, которые пытались ее удержать. Тогда все высыпали в коридор, чтобы узнать, что случилось. После того случая она отсутствовала в школе несколько недель, а вернулась какая-то пришибленная и заторможенная. Поговаривали, что ее накачивают сильнодействующими лекарствами.

Попасть на третий этаж тоже не удалось. Зато на четвертом двери были сняты с петель.

— О-о! То, что надо!

В длинных коридорах было множество бывших палат и врачебных кабинетов. Одни оказались распахнутыми настежь, другие — приоткрытыми, третьи выглядели запертыми. Плиточный пол слева и справа был ужасно грязным, но мусора было почти не видно — так, несколько листков и книжек, по-видимому, медицинских карт.

Катька вошла в левый коридор и начала строить планы:

— Сделаем снимок здесь. Встану вот так, используем вспышку, получится просто супер.

— А еще можешь сесть на пол и полистать карты.

Вероника сказала это в шутку. К ее удивлению, Катька посмотрела на грязный пол и с мужеством отчаяния произнесла:

— Да. Возможно. Подстелю что-нибудь незаметное.

Она наклонилась и наманикюренными ногтями приподняла ближайшую растрепанную книжицу с клеенчатым корешком и оторванной обложкой.

— Фу, какая грязная! Полистай.

Катька с брезгливым видом взмахнула рукой и бросила карту Веронике. Чтобы не получить по лицу, книжицу пришлось поймать. Она и впрямь была жутко пыльной и какой-то липкой.

Вероника раскрыла ее, но ничего толком не поняла.

— Психиатры — все-таки тоже врачи, — сказала она. — И почерк у них ничуть не лучше, чем у остальных.

— Да уж, — фыркнула Катька и стала мерить шагами коридор, прикидывая, где еще можно сделать интересный кадр.

Вероника машинально продолжила листать карту. Она с трудом разобрала несколько знакомых слов — «шизофрения», «психопатический» — и опознала пару листков — результаты психологических тестов, их проводили и в школе.

Перевернув несколько страниц, Вероника вздрогнула. Поперек страницы кто-то написал толстым черным маркером: «ЗАШИТЬ».

«Кто-то заходил сюда и развлекся», — решила Вероника и положила карту на пол. Ее сердце едва не выскакивало из груди.

Бессмысленность надписи, найденной в таком неожиданном месте, пугала.

— Что ты копаешься?! — крикнула Катька. Она стояла перед открытой дверью. — Гляди, как классно!

Вероника подошла.

Это, очевидно, была палата. У стены в ряд стояли шесть металлических кроватей с круглыми спинками, на двух даже лежали дырявые бледно-розовые покрывала в цветочек. В углу громоздился шкаф. Его дверцы были распахнуты, и на пол вывалились книжки, бумажки, дешевые пластмассовые игрушки. Как будто кто-то в спешке открыл его, не нашел ничего важного и побежал дальше.

Вероника решила взглянуть на содержимое шкафа поближе. На обложках книг — старых сборников сказок — стоял штамп больницы. Обрывки альбомных листов были местами чистыми, а местами изрисованными неумелыми детскими руками. Они пестрили солнышками, домиками, машинками и принцессами. В этой куче Вероника разглядела целый альбом и вытянула его. Гора игрушек и книг с шумом рассыпалась.

— Ты мне тут сцену не порти! — возмутилась Катька. — Что это у тебя?

— Альбом. Ничего себе, смотри, как нарисовано.

Они склонились над находкой. Рисунки и впрямь выглядели необычно. На первом листе подающий надежды юный художник изобразил открытый скворечник, который населяло множество маленьких человечков. На втором были нарисованы дети, собравшиеся в кружок вокруг большой птицы. На третьем — сломанные часы с покореженными стрелками. На четвертом в приоткрытую дверь заглядывала женщина. Чуть ниже ее лица из дверного проема игриво высовывался тигриный хвост.

Вероника перевернула сразу несколько пустых листов и наткнулась на полотно мелких закорючек.

— Инопланетный алфавит? — хмыкнула Катька. — Вот же заняться было нечем.

— Да чем тут можно было заняться? Больница все-таки.

На следующем листе оказался настоящий монстр: вполне человеческий низ — стройные ножки в туфлях с бантиками — и звериный торс, покрытый рыжей шерстью. Венчала это все зубастая морда.

— Кошмар, — скривилась Катька. — Ладно, брось, пошли дальше.

Веронике очень хотелось последовать ее указанию, но что-то заставило перевернуть еще один лист. Белое полотно аккуратно разделили на кирпичики. В центре более темными прямоугольниками была выложена надпись: «ВЫХОД».

Катька уже вышла в коридор. Вероника, поколебавшись, сунула альбом в сумку с учебниками.

«Он же ничей, — сказала она себе. — А рисунки интересные».

Они перешли в другое крыло. Единственное окно в конце коридора оказалось заколочено, и здесь было гораздо темнее. Катька дергала все двери подряд. Они оказались заперты — кроме одной, в самом конце. Та была гостеприимно распахнута.

— Заглянем? — спросила Катька.

Вероника с удивлением отметила, что она напряглась, хотя было ясно: вряд ли здесь кто-то есть.

— Ну, давай.

Дверь была в двух шагах, когда из комнаты, куда она вела, бесшумно выкатился мячик.

Катька от неожиданности взвизгнула.

Вероника почувствовала себя странно. Ее это почему-то совсем не напугало. Она наклонилась, взяла старый резиновый мячик в руки и спокойно подошла к двери, словно рассчитывала увидеть ребенка и протянуть ему потерянную игрушку.

Но в комнате никого не было. Через щели между фанерными листами, которыми небрежно прикрыли окна, падал тусклый свет. Вероника разглядела нагромождение сломанной мебели — как будто кто-то решил построить баррикаду прямо посреди комнаты. А поверх нее, на боках шкафов и спинках стульев, были аккуратно рассажены куклы — маленькие и большие, тряпичные и пластмассовые.

— Ужас! — Катьку передернуло. — Хотя… — она пересилила себя, сделала шаг вперед и всмотрелась в кукольные лица. — Здесь фото будет вообще полный улет… Придется сделать, — заключила она с некоторой обреченностью. — И не лень кому-то было такой хоррор устраивать. Эй, Верон, ты чего?

Вероника отбросила мячик и переводила испуганный взгляд с него на кукольный ряд и обратно. Лишь теперь до нее дошло, что случилось, где она находится и что видит.

— По… пойдем отсюда, — пробормотала она.

Катька безразлично дернула плечиком, но к двери понеслась с неожиданной резвостью.

Они быстро спустились вниз, почти бегом преодолели лифт и направились к выходу. Только потом Вероника обернулась.

Стул стоял в самом центре открытого лифта.

Глава 2. Пятый столик у окна

Дома Веронику ждал совсем не теплый прием.

— Где ты была? — спросила Лара, и голос у нее при этом был даже не холодным, а просто ледяным — хоть коктейли охлаждай.

— Пришлось задержаться в школе.

— До девяти?

Вероника растерянно глянула на часы в коридоре. Выйдя из больницы, она было удивилась, что уже темно, но Катька пустилась в рассуждения о том, какой наряд будет лучше гармонировать с заброшенным зданием, и это как-то забылось.

Действительно, уже перевалило за девять. Не могли же они шататься по больнице семь часов?

Вероника не нашлась, что сказать, и Лара почти прошипела:

— Вот ты врунья. Позвонить хоть могла? И помимо всего прочего ты должна была купить мне лекарство.

— У меня из головы вылетело… А почему ты не позвонила?

— Во-первых, думала, что ты умнее. Во-вторых, когда все-таки позвонила, ты не соизволила ответить. Ты потратила деньги, которые я тебе дала?

— Нет! — ответила Вероника чуть резче, чем следовало. Но это было ужасно обидно. Она никогда не тратила денег попусту, и если ей поручали что-то покупать, приносила сдачу копейка в копейку.

— Чтобы завтра все купила. И лоджию теперь сама разгребай.

Лара круто повернулась и удалилась в гостиную. Оттуда слышались звуки телевизора — отец что-то смотрел, но и не подумал встретить дочь или хотя бы крикнуть «привет».

Вероника ушла к себе в комнату и достала из сумки телефон. И правда, несколько пропущенных звонков. Как ее угораздило не услышать? Наверное, в больнице какие-то проблемы со связью.

Еще пришло сообщение от Катьки: фото модели в длинном черном платье и вопрос «купить??» Захотелось швырнуть телефон об стену, но Вероника знала, что, если не ответит, Катька ей потом это припомнит. Она написала: «Лучше что-нибудь попроще», и в который раз прокляла себя за идею с жутким антуражем. Заброшенная больница оказалась страшным и печальным местом. Идти туда второй раз совершенно не хотелось.

Время до ночи съела домашняя работа. Веронике приходилось потеть за двоих: надо было сделать сначала свои задания, а потом Катькины. Если просто переписать в тетрадку готовые ответы — еще куда ни шло, но иногда им попадались разные варианты. Сегодня был как раз такой случай, и совершенно измученная Вероника закончила работу лишь около часа ночи.

Убирая учебники в сумку, она наткнулась на больничный альбом. Листать его не было сил, но, уже лежа в постели, Вероника решила почитать о больнице и потянулась к телефону.

Статей в интернете нашлось всего несколько штук — и все короткие. Удивительно мало для такого громкого события. Суть сводилась к следующему: больница была успешным заведением, славилась своими специалистами и ни разу не получала серьезных претензий. Все рухнуло в один день или, точнее, ночь. Десять лет назад, шестого августа, пропали сразу восемь детей. Дежурный персонал не смог сказать ничего вразумительного. Двери, как и положено, были закрыты. Соседи пропавших единодушно заявили, что никто чужой к ним не приходил. В округе детей никто не видел, хотя скрыться такой большой группой — задача не из легких. Пропавших ничто не объединяло, кроме того, что все лежали в отделении, располагающемся на втором этаже.

Вероника вспомнила запертые двери, отложила смартфон и почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Настоящий ужастик. Прибавить к этому выкатившийся из палаты мяч и кукол на баррикаде — и пожалуйста, завязка для жуткого фильма готова.

Всю ночь ей снились коридоры больницы, стул в лифте и медсестры с тигриными хвостами. Проснулась Вероника поздно и с головной болью. Отец уже умчался на работу — он трудился в страховой компании. Хотя, пожалуй, это было к лучшему: не было необходимости снова объясняться насчет вчерашнего.

— Не забудь лекарство! — бросила на прощание Лара.

— Да-да, — пробормотала Вероника, нащупывая в сумке кошелек.

Она похолодела. Кошелька не было.

Вероника понеслась в школу на предельно возможной скорости. Плюхнувшись на место, она буквально распотрошила сумку. Ничего. Может, выпал в комнате, когда она доставала учебники и тетради? Но заманчивая версия тут же рассыпалась. Кошелек был яркий, с крупным мохнатым брелоком. Если бы он выпал в комнате, она бы точно его заметила.

Прозвенел звонок, в класс вошел учитель физики. Вероника бессильно уронила голову на сложенные ладони. В кошельке была крупная сумма — несколько тысяч, выданных для покупки дорогого лекарства. Не хотелось даже думать о реакции Лары на новость о потере.

Это так выбило Веронику из колеи, что она заметила отсутствие Катьки только в середине урока, когда ее вызвали к доске и глаза зацепились за пустующее место. «И то хорошо», — подумала Вероника, садясь на место с очередной пятеркой. Впрочем, может быть, Катька просто проспала.

Но она не появилась и на втором уроке. А потом Веронике пришло смс: «Поехала за шмотками. Никому ни слова. Пойдем завтра».

Вероника с облегчением спрятала смартфон в сумку и вернулась мыслями к своей проблеме. Где мог потеряться кошелек? Она покупала кофе после уроков, значит, точно не в школе. Неужели в больнице? Веронику пробрала дрожь. Тащиться туда одной? Сложно было представить себе что-нибудь хуже. Но если она его не найдет, ей несдобровать.

Сидя в столовой на большой перемене, Вероника мучительно раздумывала, что же делать, когда напротив сел Юра.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила Вероника с некоторым запозданием.

Юра учился в параллельном классе. Они познакомились летом на волонтерской акции — посещали дом престарелых. У Вероники было волнующее ощущение, что она нравится этому черноволосому красавцу, но оно быстро испарилось с началом учебного года: в школе Юра довольно холодно отвечал на приветствия и вообще старался ее избегать. И вдруг пожалуйста — причалил прямиком к ней.

— Ты здорова? У тебя вид какой-то не такой.

— А ты что, часто на меня смотришь? Чтобы знать, какой у меня обычно вид? — спросила Вероника, встретив удивленный взгляд.

— Ну, если честно, это теперь сложновато. Пытаешься посмотреть на тебя, а натыкаешься на твою подружку.

— Катьку? На нее вроде все любят смотреть.

— Ты серьезно так считаешь? — фыркнул Юра.

Он посмотрел на Веронику с легким подозрением. Та смутилась. Неужели он избегал ее потому, что не одобрял дружбы с Катькой? И поэтому подошел сейчас, когда она в кои-то веки одна?

Крыть было нечем. Уже давно о Катьке ходили не самые хорошие слухи, и Вероника успела убедиться в их справедливости. Скажи кто заранее, что они с Катькой будут не разлей

вода, она бы тоже была в шоке — как и Юра, и весь преподавательский состав, который пришел в ужас, поняв, что Вероника и Катька тесно общаются.

— Там сложная история… Но, в общем, ничего не могу поделать.

Юра смягчился.

— Может, я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Если только… Ну… — Вероника поколебалась. — Ты занят сегодня после уроков?

— Занят, но могу отменить дела, если очень надо. А что?

— Ты не мог бы сходить со мной в детскую больницу?.. Которая заброшенная.

Вероника понимала: она сильно рискует. Во-первых, после такой просьбочки он мог повернуться и уйти. Во-вторых, если Катька узнает, что Вероника раззвонила про больницу, то точно ее прибьет. Но сил тащиться в больницу в одиночку точно не было, а соваться домой без денег нечего было и думать.

— Это не так уж далеко. Это…

Юра оборвал ее:

— Я знаю, где это. Только вот что тебе надо?

— Мы там были вчера… Мне не хотелось, но… Короче, так получилось, и, кажется, я потеряла там свой кошелек. Предки меня убьют. Но как подумаю, что пойду одна…

— А ты уверена, что потеряла кошелек именно там?

— Больше вроде негде, — с тоской в голосе отозвалась Вероника.

Юра напряженно раздумывал. На его лицо легла тень — ему тоже не хотелось идти в такое место, и Вероника вполне его понимала.

— Ладно, — наконец сказал он. — Не обещаю, после уроков мне надо позвонить и попробовать кое-что перенести… Если получится — схожу с тобой, о'кей?

— Да… Спасибо, — понуро кивнула Вероника, почти уверенная, что уж с ее-то везением вряд ли все устроится хорошо.

— Если не получится, могу одолжить денег, — ободрил ее Юра.

— Там много…

— Сколько?

— Четыре тысячи.

— Найдется. Выше нос!

Он улыбнулся. Вероника улыбнулась в ответ — ей стало намного легче. Исчезновение кошелька так потрясло, что она не сообразила: у нее ведь есть деньги, отложенные на заветную комнату. Конечно, расставаться с ними будет болезненно, четыре тысячи накопились за полтора летних месяца. Но все-таки это вариант, так Лара хотя бы не устроит очередной скандал.

На урок Вероника отправилась уже вполне спокойной, а еще через пару часов почти уверилась в том, что жизнь налаживается.

Звонок с неизвестного номера поступил в конце последнего урока. Сама не зная почему, Вероника подняла руку и попросилась выйти, сославшись на то, что звонит отец.

— Да? — приглушенно проговорила она, закрывая за собой дверь класса.

Ответил приятный мужской голос:

— Вероника Алданова?

— Да… Кто это?

— Я Даниэль. Мы незнакомы, но, кажется, я нашел твой кошелек. Не теряла?

Вероника едва не выронила телефон.

— Теряла, теряла!

— Опиши его, пожалуйста.

— Ну, он такой… Ярко-зеленый, на молнии, спереди выдавлен листик… И еще там брелок, в виде мохнатого шарика…

— Внутри есть одна особенность, справа, не подскажешь, какая?

Только тут до Вероники дошло: звонивший проверяет, действительно ли находка принадлежит ей.

— Справа… Ну, там карточка магазина, фото моего… А, да, там кармашек немного надорван, вы об этом?

— Точно. Что ж, хочу обрадовать, все содержимое в целости, в том числе и деньги. Можем встретиться сегодня в два часа?

— Конечно! Где?

— В кафе «Черешня». Собственно, там я и нашел твой кошелек. До встречи, Вероника.

Вероника почувствовала себя Атласом, с плеч которого сняли небесный свод. Одной неприятностью меньше. Оставалось надеяться, что этот Даниэль не передумает.

Прозвенел звонок. Вероника быстро вернулась в класс, собрала вещи, понеслась к Юре и выложила ему радостную новость.

— Вот и отлично, — улыбнулся он, почему-то чуть скованно. — Кстати, но как он узнал твои имя и номер?

— Хороший вопрос… — Вероника растерялась. — Ну вот и спрошу.

— Осторожней там, мало ли. Созвонимся потом?

— Конечно, вот только у меня как раз нет твоего номера…

— Ну, это легко исправить.

Они обменялись номерами и тепло попрощались.

В «Черешню» Вероника отправилась в наилучшем расположении духа, чего с ней не бывало очень давно. Но уже у входа вдруг занервничала. А если нашедший кошелек потребует вознаграждения? Или окажется каким-нибудь негодяем и использует находку как предлог, чтобы заманить Веронику куда-нибудь? И ведь она даже не спросила, как его узнать.

Сделав глубокий вдох, Вероника зашла в кафе — словно прыгнула в воду с высокого трамплина. Вот только легче не стало. Волнуясь, она оглядела зал. Было ровно два часа. Справа расположилась шумная компания, рядом сидел угрюмого вида мужчина средних лет. Неужели он? Вероника с надеждой продолжила осмотр и уткнулась взглядом в пятый столик у окна. Его постоянный клиент как раз оторвался от телефона, перехватил ее взгляд и приподнял руку, привлекая внимание.

Веронике не верилось, что все происходит на самом деле. На ватных ногах она подошла к заветному столику.

— Вероника?

— Да… Это вы — Даниэль?

— Я. Держи.

Он придвинул к ней кошелек. Вероника взяла его и машинально раскрыла. Все было на месте.

Почувствовав на себе пристальный взгляд серых глаз, она подняла голову и смущенно пробормотала:

— Спасибо большое… Я знаю, в таких случаях принято вознаграждение…

— Я бы не взял, — равнодушно ответил Даниэль. — Случайно увидеть чужую вещь — невелика заслуга.

— Тогда… Можно угостить вас кофе?

Слова вырвались у Вероники сами собой. Она залилась краской — ей показалось, что это прозвучало как неуклюжее приглашение на свидание от законченной неудачницы.

Но Даниэль воспринял все иначе. Он совершенно спокойно сказал:

— Почему бы и нет. Я пью черный, без молока и без сахара.

Вероника почти бегом бросилась к стойке и заказала кофе ему и себе. Пока готовили заказ, можно было привести мысли в порядок. Ей нравилось наблюдать за этим парнем и гадать, что у него за жизнь, но если бы кто-то предложил подойти и познакомиться, она бы

наотрез отказалась — это казалось слишком сложной, практически невыполнимой задачей. Вероника понятия не имела, о чем говорить и как начать расспросы, если они вообще уместны. Но жизнь зачем-то столкнула их лицом к лицу. Придется сказать еще хоть что-нибудь.

— Пожалуйста, — Вероника поставила высокий стакан на стол и замешкалась.

— Спасибо, — сказал Даниэль. — Присядешь? Или торопишься?

— Да нет, не тороплюсь.

Вероника пристроилась напротив, сжимая в руках стакан с капучино. Она должна была бежать сначала в аптеку, а потом — домой, но слова опять вырвались помимо ее воли.

— У тебя все хорошо? — спросил Даниэль строго: ни дать ни взять отец, который не поверит положительному ответу.

— Да. Я просто переволновалась из-за кошелька, — пробормотала Вероника. Она сделала глоток кофе, пытаясь хоть немного расслабиться. — От родителей бы здорово влетело. Так что спасибо огромное. Кстати, а как вы узнали, чей кошелек?

— Бариста нашел данные твоей скидочной карты. Хотел сам позвонить, но в результате доверил эту задачу мне. Не должен был, конечно… Но ты уж его не ругай.

— Я рада, что так получилось, — сказала Вероника и ни капельки не соврала. Ведь иначе она бы никогда даже не подошла к Даниэлю.

— Я тебя частенько здесь вижу.

— И я вас. А вы… — Вероника набралась храбрости и все-таки спросила: — Вы — священник?

— Можно на ты, — Даниэль улыбнулся. — Да, священник. Как ты догадалась?

— Просто видела вас… тебя рядом с церковью, — призналась Вероника.

— Ты как будто в преступлении сознаешься.

Вероника совсем потерялась. Не зная, как продолжить разговор, она зачем-то пробормотала:

— Я никогда не ходила в церковь.

— Судя по твоему виду, — сказал Даниэль, — ты ждешь, что я достану палку и силой погоню тебя туда. Спешу разочаровать: этого точно не произойдет.

Вероника неожиданно для себя рассмеялась. Даниэль видел ее насквозь — и отчаянное любопытство, и смущение, и безуспешные попытки его побороть.

— Мне немного неудобно…

— И очень зря. Знаешь, есть стандартный список вопросов, которые мне обычно задают. Так что спрашивай что хочешь, даже интересно, попадешь ли в десять из десяти, — Даниэля явно забавляла эта ситуация.

После его слов вопросы посыпались из Вероники как из рога изобилия. И ни один не оказался для Даниэля новым.

Он рассказал, что служит в католической церкви, совсем недавно закончил учебу и его направили в этот город, помогать настоятелю местной общины, а сам он не отсюда. Люди, которых видела Вероника, — прихожане церкви, которые подходят к нему с каким-нибудь делом или просто поболтать. Священником Даниэль решил стать потому, что с самого детства знал — так надо, это его призвание. Мать была не против, ей, по существу, было все равно, чем он будет заниматься. Отец давно умер. Зато у Даниэля есть два младших брата, одного из которых «вечно где-то носит».

Вероника слушала с неугасающим интересом. Но, поняв, что все ее вопросы уже были заданы тысячу раз, попробовала зайти с другой стороны:

— Как можно верить в Бога? Доказательств-то нет. Ну, что он существует.

— Нашла, чем удивить, — усмехнулся Даниэль. — Это, пожалуй, один из самых частых вопросов. Ответ простой: не нужно ничего доказывать. Богословы и философы могут предложить тебе целый список доказательств, но если ты не веришь, тебя ничто не убедит. Вера —

такая штука, которая приходит к каждому в свое время. Ну или не приходит вообще, так тоже бывает.

— Это плохо? Как ты считаешь?

— Плохо? — Даниэль призадумался. — Не сказал бы. Скорее, печально. Вот видишь, ты все-таки спросила что-то новенькое. А я могу задать тебе вопрос?

— Конечно, — Вероника с сомнением качнула головой. — Только у меня все очень скучно. Живу здесь с рождения, хожу в школу… И все.

— Так уж и все? У тебя есть братья или сестры?

— Нет, только отец. И его жена. Мы с ней не очень ладим, поэтому я мечтаю снять комнату и переехать. Я летом работала, копила… Может, в следующем году получится.

Вероника не поняла, почему решила поделиться самым сокровенным. Наверное, просто хотелось рассказать об этом хоть кому-нибудь.

— А мама?

— Она ушла, когда мне было шесть. С отцом что-то не поделили… Она с нами не общается, только присылает мне открытки на электронную почту. Я и не знаю, где она сейчас.

— Понятно, — Даниэль помолчал. — Тебя обижают дома?

— Не то чтобы… То есть, нет, конечно, нет. Просто я там лишняя, они как-то сами по себе. И я им мешаю, я это чувствую. Ну и они мне, если честно. Наверное, это немного не по-христиански, да? — спросила она, допивая кофе. — Ну, что я от них сбежать хочу.

— Почему? Нисколько. Все птенцы должны рано или поздно вылететь из гнезда.

Вероника в ответ только вздохнула. Было приятно, что он не поставил ей ничего в укор, но вылететь из гнезда она не могла при всем желании.

Даниэль внимательно наблюдал.

— Знаешь… — медленно проговорил он. — Не хочу зря обнадеживать, но, возможно, я смогу помочь.

— Чем? — не поняла Вероника.

— Предложить тебе комнату за символическую цену.

— Серьезно? — она изумленно приоткрыла рот.

— Да, есть кое-что на примете… Но я должен обсудить это с несколькими людьми. Так что не гарантирую, но попробую, идет?

— Конечно! — Вероника от волнения даже привстала. — По гроб буду благодарна!

— По гроб не надо, — улыбнулся Даниэль. — Ладно, мне пора. Твой номер у меня есть, позвоню, сообщу о результатах, договорились?

— Договорились!

Он попрощался и ушел, а Вероника еще несколько минут просидела за столиком, пытаясь уложить в голове события дня.

Звезды, определенно, сошлись по-особому. Если бы так было всегда…

Глава 3. Западня

Лара немного поворчала из-за того, что Вероника снова задержалась, но раздувать конфликт не стала, забрала свое лекарство и куда-то ушла. Потом настало время домашней работы и уборки на лоджии. Закончив с этим, Вероника устало плюхнулась на кровать. Рука сама собой потянулась к альбому с рисунками, но ее на полпути остановил писк мобильника.

Надежды не оправдались — это оказалась смска от Катьки: «Завтра идем фоткаться». Вероника отбросила телефон. Ей не хотелось возвращаться в больницу.

Мобильник снова радостно запиликал. На этот раз звонок — от Юры. Настроение сразу взлетело вверх.

— Привет, Вероника! Хочешь прогуляться?

Вероника посмотрела на часы. Полвосьмого, еще не поздно.

— Ладно. Сейчас.

Они договорились встретиться у ее подъезда через пятнадцать минут. Времени на сборы было мало, поэтому Вероника и размышлять не стала над тем, чтобы навести марафет — не привыкла она к такому. Девушка просто распустила волосы, причесалась и намазала губы блеском, который обычно использовала с сугубо практической целью — чтобы не обветривалась кожа. Затем Вероника нацепила на руку свой единственный браслетик — тонкий золотой обруч с подвесками-звездочками. Раньше он принадлежал матери и был ужасно старомодным, но даже когда у Вероники водились свободные деньги, она не могла заставить себя купить ему замену.

Юра уже поджидал ее, и не один. На поводке он держал собаку с симпатичной мордочкой и шерстью медового цвета.

— Ух ты! — Вероника тут же протянула руку, и собака с удовольствием облизала ей пальцы. — Финская лайка?

— Карело-финская. Зовут Лис, — представил питомца Юра. — Пройдемся?

Они медленно пошли со двора. Людей на улице было мало, а серое небо висело низко, хотя погода стояла теплая. Юра хотел что-то сказать, но никак не решался, мялся и переводил разговор на всякую ерунду. То и дело повисали неловкие паузы.

Вероника ни о чем толком не думала. Боялась думать. А если он скажет что-то такое… Как она отреагирует? Кто бы знал.

— Послушай, — наконец сказал Юра. — У меня эта больница из головы не идет.

— М-м, — промычала Вероника. Такого она точно не ожидала. — Почему?

— Ты же знаешь, что случилось? Почему ее закрыли?

— Там вроде дети пропали. Много.

— Вот именно. — Юра снова выдержал паузу и выдохнул: — Моя сестра была там.

Вероника растерянно посмотрела на него.

— В смысле? Лежала в больнице?

— Лежала. И пропала.

— Я… Мне жаль. Соболезную, — пробормотала Вероника.

Юра остановился, надел на Лиса намордник и спустил его с поводка. Собака радостно бросилась исследовать двор.

Вероника решила: раз Юра заговорил об этом сам, можно задать вопрос.

— Так это все правда, про исчезновения? То есть, я имею в виду… Никого не нашли?

— Никого. Как сквозь землю провалились. Ну и вообще… Странные там дела творились, мне кажется.

Вероника вздрогнула. Больничные коридоры. Детский мяч. Куклы. Стул в лифте. Теперь все это заиграло еще более мрачными красками. История не была газетной уткой, кто-то и правда потерял ребенка. Пропало целых восемь детей.

— Сначала думали, что пропали девять ребят, — продолжил Юра. — Но одну девочку нашли. Она пряталась — то ли в туалете, то ли в кладовке.

— Слава богу, — выдохнула Вероника. — Рассказала что-нибудь?

— Вроде бы нет. И никого больше не нашли. Во всяком случае, родителям ничего не сообщали…

Лис вернулся. Юра прицепил поводок к ошейнику, и они двинулись дальше.

— Честно говоря, никогда не думал туда соваться, но ты рассказала, и теперь я все время думаю об этой больнице. Вот я и подумал… Может, сходим завтра?

Вероника так дернулась, что звездочки на браслете громко зазвенели. Юра удивленно посмотрел на нее.

Она поколебалась, но в конце концов сдалась. Если она хочет общаться — а это определенно так — все равно когда-нибудь придется объяснять.

— Завтра я должна идти туда с Катькой. Если она узнает, что я растрепала тебе — убьет.

— Что значит убьет? Что значит должна?

Юра бросил на нее взгляд, который Веронике совсем не понравился. Но она больше не могла заставить себя выговорить ни слова.

— Ладно, — сжалился он. — Тогда пойдем сейчас?

— Сейчас?!

— Я бы предложил вместо уроков, но тогда у нас обоих будут проблемы, сама знаешь, какие сейчас проверки устраивают.

Вероника знала. Отсутствие хотя бы на одном уроке было чревато звонком родителям. Но пойти в это место сейчас, особенно после того, что она услышала…

— Да не бойся, — сказал Юра. — Ты же сама сказала, что там никого нет. И Лис будет с нами.

— Там… Там будет темно.

— Я сбегаю за фонариком. Быстро, туда и обратно. Лис нас в обиду не даст. Да и я сам вообще-то не такой уж безобидный, если разозлить. Подержи!

Юра сунул поводок опешившей Веронике и, сказав, что сейчас принесет фонарь, умчался. Он скрылся в последнем подъезде дома, у которого они стояли. «Так вот, значит, где он живет», — подумала Вероника. После этого волей-неволей пришлось вернуться мыслями к тому, что ее ожидало.

Следовало сказать «нет», вернуться домой и выпить горячего чаю. Но тогда Юра подумает, что она трусиха и предпочитает проводить время с Катькой. Да и как отказать, ведь он открыл ей свою тайну. О таком первому встречному не рассказывают. Понятно, что для него важно увидеть это место…

Юра вернулся. Вероника вымученно улыбнулась.

Они отправились на остановку и сели в подошедший автобус. По дороге болтали о школе, вспоминали волонтерскую работу. Лис оказался образцовым пассажиром — сидел смирно, прижавшись к их ногам, и позволял себя гладить всем желающим.

Но когда они пошли по промзоне, темы иссякли, а молчать было невмоготу. И Вероника вдруг сказала:

— У Катьки был дорогой мобильник. Очень дорогой.

— И? — тема мобильников Юру явно не интересовала.

— Я его разбила… Случайно.

— Как умудрилась? — удивился Юра.

— Сама не знаю.

Это было не совсем правдой. Но рассказывать всю историю Вероника не собиралась.

В тот день в школе у нее ни с того ни с сего пошла кровь из носа. Она рванула в туалет. Катька как раз была там и нашла происходящее очень забавным. Преградив путь к раковине, она принялась снимать все на телефон, отпуская обидные комментарии. Обычно тихая и мирная Вероника ощутила прилив злости и попыталась вырвать гаджет у нее из рук. Завязалась потасовка, результатом которой стала кровь на модной Катькиной блузке и разбитый экран новейшего смартфона.

— Так ты поэтому с ней ходишь? Она тебя шантажирует, что ли?

— Ну, не то чтобы шантажирует, — пробормотала Вероника. — Просто я должна выплатить ущерб, а денег у меня нет.

На самом деле это был шантаж в чистом виде. Катька в красках описала, что будет, если Вероника не отплатит ей тем или иным образом. Нет денег? Можно поступить проще: помогать с блогом и домашними заданиями, ну и всем остальным, по мелочи. А еще Катька «по-дружески» порекомендовала «не переводить стрелки на предков», потому что если ее отец узнает, то поставит семью Вероники «на счетчик». Сомневаться в реальности угрозы не было оснований, об отце Катьки ходили самые жуткие слухи.

Через пару дней, столкнувшись с непомерными требованиями в виде горы невыполненных домашних заданий, Вероника высказала, что думает об этой ситуации. Дело было возле школьной площадки, в тот момент, к сожалению, абсолютно пустой. Катька затушила сигарету, подняла кирпич, подпирающий входную дверь, и без лишних слов ударила Веронику по руке этим кирпичом.

— Следующий будет в голову, — пообещала она.

Вероника проходила с повязкой несколько недель. В травмпункте ее подмывало открыть правду, но отец, которому она ничего не рассказала, почему-то уверенно заявил, что она ударилась случайно. Врач не стал задавать дополнительных вопросов и просто молча сделал свое дело.

Выложить все это Юре язык не поворачивался. Она и так сказала слишком много.

— Юр, пожалуйста… Если она узнает, что я проболталась, у меня будут большие проблемы.

— Не бойся, не узнает. Но так тоже нельзя, — возмущался Юра. — Кем она себя возомнила?

Они уже давно брели в кромешной тьме. В желтом свете фонаря ветви деревьев, высовывающиеся из-за бетонных заборов костлявыми лапами, колыхались от холодного ветра и отбрасывали жуткие тени. Однако Юра был совершенно спокоен, а Лис так и вовсе радостно тянул их вперед.

Веронике стало стыдно за трусость. Что же с ней будет, когда они войдут в здание? Ведь обязательно что-нибудь хрустнет, ухнет — и она завопит от страха, как дурочка. Если, конечно, до этого не упадет в обморок.

— Не волнуйся! — Юра вдруг взял ее за руку. — Быстро пробежимся — и обратно. Я бы предложил тебе подождать снаружи, но мне кажется, вдвоем надежнее. Мало ли!

Прикосновение его теплых пальцев заглушило ряд догадок, вызванных этим «мало ли».

— Ладно, — сказала Вероника. — Только там ничего особенного нет. Старые медицинские карты да игрушки…

Куклы на баррикаде.

Вероника мотнула головой. Можно просто не ходить в то крыло. Пробежаться по другому и сослаться на то, что уже поздно.

У входа в больницу царила прямо-таки мертвая тишина. Лис сел рядом с крыльцом и вопросительно оглянулся на Юру, словно спрашивал, действительно ли они собираются войти в это жуткое здание. Но напуганным пес не выглядел, и это обнадеживало.

— Пошли! — Юра первым поднялся по ступеням и перешагнул порог.

Лис последовал за ним. Вероника — волей-неволей — тоже.

В вестибюле ей сразу бросился в глаза стул, все так же стоявший в раскрытом лифте. Может, Катька и не швыряла его вовсе — приснилось. Или ухитрилась поставить стул обратно ради шутки, это было бы очень на нее похоже.

Вероника понадеялась, что Юра побродит по первому этажу и этим ограничится. Но нет, он уверенно направился к лестнице. Лис припустил следом, время от времени останавливаясь и принюхиваясь. Вероника внимательно наблюдала за ним и не замечала ничего странного. Видимо, в здании все-таки никого и ничего не было, и если пес и был чем-то встревожен, то обилием незнакомых застарелых запахов.

На втором этаже Юра остановился.

— Здесь было второе отделение, — тихо проговорил он. — Из которого все пропали.

— Тут двери закрыты.

Юра зашел на этаж и толкнул сначала одну дверь, потом другую. Вздохнул и кивнул на лестницу.

— Третий тоже закрыт, — сказала Вероника с затаенным облегчением. — Мы только на четвертом были…

— Что за черт, кому понадобилось закрывать двери в пустой больнице? — проворчал Юра, поднимаясь по ступенькам.

На третьем этаже он остановился.

— Не то чтобы я тебе не верил, — объяснил он, — просто, может, вам сил не хватило… Ого!

Раздался тихий скрип. Дверь справа приоткрылась.

У Вероники помутнело в глазах: Катька остервенело билась в эти двери, а теперь одна из них любезно приоткрылась сама, причем Юра ее даже не коснулся. И никаких сквозняков не было в помине…

— Да не паникуй ты, — Юра навел на нее фонарь, и Вероника зажмурилась. — Ой, извини.

Он несколько раз толкнул дверь напротив. Стук гулким эхом разносился по зданию.

— Прекрати, пожалуйста, — прошептала Вероника.

— Прости. Хотел успокоить и показать, что вы не слишком пытались открыть, вот и не открыли… Ну, пойдем.

— Может, на четвертый? — сердце Вероники больно забилось о грудную клетку. Она разглядывала полоску тьмы между дверью и косяком, и четвертый этаж казался почти родным. По крайней мере, она примерно знала, что там и как. Эта же чернота напоминала сгусток мрака в школьном подвале.

— Туда тоже можем, но потом.

Юра широко распахнул дверь. Фонарь осветил длинный коридор — точно такой же, как те, что они с Катькой видели на четвертом. Пол был чистым, без мусора, двери по обе стороны закрыты. Это обрадовало Веронику, но Юра подошел к первой попавшейся комнате и быстро выяснил: замки имелись, но теперь двери запирались только на засовы.

Он сдвинул железку с облупившейся краской. Тишину снова нарушил скрип, протяжный и тоскливый.

— Ничего себе! Посмотри!

Вероника подошла и заглянула за дверь.

Здесь, по-видимому, была общая палата — как и на четвертом. Друг против друга стояли шесть маленьких кроваток с побуревшими от времени и грязи матрасами и подушками. Вероника содрогнулась, увидев на полу клок волос, но, присмотревшись, поняла, что это просто

кукольный парик. Из-под первой кровати справа луч фонаря высветил маленькую пластиковую ножку.

— А там что такое?

Юра посветил вперед. На подоконнике, перед окном, забранном решеткой и закрытом фанерой, темнело что-то непонятное. Пытаясь разглядеть предмет, Вероника переступила порог. Стопка книг, на которой оставили игрушку? Причудливой формы часы?

Лис вдруг громко гавкнул. Вероника вздрогнула, обернулась и успела увидеть, как быстро закрывается дверь.

Она в мгновение ока бросилась назад. Дверь чуть подалась, но потом вернулась обратно. Лязгнул засов.

Вероникой овладела паника. Она ничего не понимала. Руки, не подчиняясь ей, бестолково застучали по двери.

— Тихо ты!

Окрик заставил ее замереть. Вероника в волнении прислушалась.

— Стучи не стучи, — сказал Юра, — никто не услышит. Кстати, Катька просила передать, что здесь тебе самое место.

Послышались шаги Лиса и его хозяина — они уходили. Вероника отказывалась верить в происходящее.

— Привет, я ее запер, — донесся до нее голос Юры, который становился все тише. — Не на четвертом, на третьем, там было открыто… Прослушаешь сообщение — удали на всякий случай.

Через полминуты тоскливо завыл Лис. Юра кричал на него, очевидно, прося перестать, но ничего не помогало.

Вскоре все стихло.

Вероника осталась одна в темноте.

Она не знала, сколько времени простояла перед дверью, не двигаясь и пытаясь осознать, что случилось. Наконец разум, плавно отодвинув Юру и Катьку, пришел к единственной действительно важной мысли: она совсем одна и заперта в заброшенной больнице. Близится ночь. Никто не знает, где она.

Вероника медленно обернулась. Тьма комнаты давила на нее. Казалось, вокруг полно народу.

«Телефон», — подсказало сознание, с немалым трудом пробившись сквозь страх.

Вероника нашарила в кармане мобильник и попробовала позвонить отцу. Пошли гудки, но потом сигнал пропал. Попробовала набрать 112 — глухо.

Она оглядела комнату, слабо подсвеченную экраном. На кроватях сидели темные силуэты. На всех, кроме той, что стояла справа у окна.

«Мерещится», — подсказал уставший разум.

Вероника отчаянно хотела ему поверить и напрягла зрение. Поворачивать смартфон, чтобы лучше осветить помещение, она побоялась. Всматривалась до рези в глазах и видела силуэты. Дети сидели на кроватках, беззаботно свесив ножки. Они не двигались. Наверное, и впрямь мерещится… Но откуда тогда это навязчивое ощущение, что на нее смотрят?

Закружилась голова. Вероника думала присесть прямо на пол, у двери, но почему-то пошла вперед, чувствуя, как обитатели палаты поворачиваются и провожают ее взглядами. Уселась на свободную кровать. Закрыла глаза.

Напряжение скопилось в висках и билось, как маленькие птички, схваченные чьими-то грубыми пальцами.

В комнате было тихо, но и эта тишина давила. Напряжение становилось все сильнее, и наконец в голове словно что-то лопнуло. Веронику подхватило воздушной волной и унесло в мир, где не было ничего страшного.

Палата оказалась светлой и приятной на вид, кровати застелены чистым бельем и накрыты разноцветными вышитыми покрывалами. Светловолосая девочка напротив Вероники сидела в обнимку с плюшевым медведем, по соседству с ней — рыжая малышка и забавный крокодильчик с круглыми глазами. Маленькая брюнетка в углу расчесывала волосы Барби. На четвертой кровати еще одна блондинка держала большую куклу, а у девочки рядом был пушистый енот.

Только Вероника сидела без игрушки. Она встала, прошла через палату, выудила из-под крайней кровати куклу, подняла и надела на нее парик. Затем вернулась на прежнее место.

— Так намного лучше, — сказала светловолосая девочка. — Собрание объявляю открытым!

Она достала спрятанную под подушкой бумажную корону, развернула и надела ее на голову. Остальные четыре девочки соскочили с кроватей и уселись на полу, глядя на блондинку как на предводительницу. Вероника, подумав, присоединилась к ним.

— Первое, — сказала больничная принцесса. — Никто не должен терять игрушки. Это опасно.

— Почему? — спросила девочка с енотом.

— Они нас защищают. Как талисманы.

— Не защищают, — возразила владелица крокодила. — Тигрицы меня знаешь как!..

— Тигрицы — это другое, — объяснила ее соседка. — Они помогают Серым, но они люди.

— Да, — подтвердила принцесса. — Талисманы против них не действуют, но зато Тигриц можно поцарапать или укусить. Второе. Куклы защищают лучше всего. Их мы используем, чтобы построить крепость.

Все посмотрели на Веронику.

— Ты тут все равно ненадолго, — сказала девочка с енотом.

— Давай, — поторопила принцесса. — Нам нужна крепость. Ты слышишь? Они здесь.

За дверью палаты раздался странный звук — словно чьи-то не то руки, не то лапы тяжело опускались на кафельный пол. Этот звук показался Веронике смутно знакомым.

Точно, школьный подвал. Хлоп… хлоп…

Принцесса спрыгнула с кровати, поправила бумажную корону и потянула Веронику за рукав:

— Пойдем.

Вероника послушно встала. Кто-то отодвинул засов. Дверь отворилась и выпустила их в ярко освещенный коридор.

— Тихо, — принцесса прижала палец к губам. — Остерегайся Тигриц. Они здесь повсюду.

Вероника не понимала, что это за Тигрицы и куда деваться в случае их появления, но кивнула. В конце концов, это психиатрическая больница. Мало ли что могло почудиться этим малышкам, да и ей самой. Разве еще пару минут назад здание не было заброшенным?

Они прошли в конец коридора и свернули направо, в открытую комнату. Это была игровая: светлый ковер, книжный стеллаж, несколько разноцветных столов с альбомными листами и карандашами, разбросанными по пластиковым поверхностям. Только вот сидеть за этими столиками можно было разве что на коленях — все стульчики сложили в одну груду посреди комнаты, а поверх них рассадили кукол.

— Их пугают ненастоящие лица, — сказала принцесса.

Она забрала у Вероники куклу и посадила на единственное свободное место.

— Кого пугают? Тигриц?

— Нет. Серых.

Кукла Вероники накренилась. Девочка поправила ее.

— Они тут вместо нас. Не позволяй им себя касаться. Если тронут — то все.

Свет начал медленно гаснуть. Черты лица девочки расплылись, у Вероники снова закружилась голова. Она прикрыла глаза, пытаясь справиться с дурнотой. Когда она открыла их снова, вокруг была кромешная тьма.

Вероника не поняла, что произошло. Она уснула в палате? Тогда почему стоит на ногах?

Дрожащей рукой она достала из кармана телефон. Слабый свет фонарика рассеял темноту, и Вероника шарахнулась в сторону от неожиданности: она стояла вплотную к куклам, рассаженным на горе из пластиковых стульев.

Не давая себе времени задуматься, Вероника осветила помещение. Она не в палате. Это была та же игровая комната, только на ней лежал отпечаток времени. Пластиковые столы перевернуты или поломаны, ковер исчез. На полу валялся мусор. Пустой стеллаж был разгромлен. Возле него на стене — какая-то надпись.

Вероника подошла поближе. «Астеригайся тигриц».

Из коридора донеслись шаги. Звук легко просочился в приоткрытую дверь.

Палата была закрыта на засов. Как ей удалось выйти? Нет, сейчас это не имело значения. Кто в коридоре? Неужели вернулся Юра? Встречаться с ним не хотелось, ведь он наверняка захочет снова ее запереть.

«Нет, не он», — поняла Вероника, на цыпочках подходя к выходу и прижимаясь к стене так, чтобы ее не было видно, если кто-нибудь решит заглянуть в помещение из коридора. Цокали чьи-то каблучки. Может, сюда пришла Катька?

Цокот прекратился, сменившись хлопками по полу. Скрипнула дверь. В комнату упала тусклая полоска света. В нем Вероника увидела отвратительную конечность, всю в бурых пятнах и синих прожилках. Сперва даже не было понятно, рука это или нога. Потом Вероника разглядела четырехпалую кисть на конце неимоверного длинного и тонкого предплечья. Рука развернулась и уперлась в пол. Локоть при этом превратился в острый угол, словно существо передвигалось ползком.

Вероника не дышала. Ей было страшно даже представить, кому может принадлежать рука. Если это чудовище проберется в комнату, она просто умрет от ужаса.

В полоске света показался кусочек чего-то полукруглого, похожего на кусок сырого мяса. Затем и он, и рука исчезли. Снова послышались хлопки. Зыбкий свет померк.

Вероника утратила счет времени. Она стояла, не двигаясь, в гробовой тишине. Потом решила: надо бежать. Не красться, а на полной скорости, напролом, не оглядываясь. Если ей суждено умереть, пусть так, но во время бегства. Это лучше, чем дожидаться в комнате, сходя с ума.

Остерегайся тигриц.

Уж лучше бы тут были тигрицы.

Рука сама собой потянулась к куклам и взяла одну — ту самую, что во сне сюда втиснула маленькая принцесса. В реальности игрушка выглядела не так привлекательно — голова сломана, на месте левого глаза черная дыра, не хватает руки и ноги. Но парик, определенно, был тот самый, с пола палаты.

Вероника зажала в одной руке куклу, в другой — телефон, чтобы освещать дорогу. Глубоко вздохнула, сглотнула застрявший в горле комок слез, распахнула дверь и шагнула в коридор.

Она велела себе не задумываться, не оглядываться, а сразу бежать, но не получилось. Непослушные ноги на черепашьей скорости донесли ее только до начала коридора. Дверь палаты была аккуратно прикрыта, на лестницу — распахнута настежь.

За спиной раздался протяжный хрип. Он подействовал как выстрел стартового пистолета.

Вероника сломя голову бросилась вниз по лестнице, не видя практически ничего перед собой. Хрип сменился воем. Хлоп, хлоп, хлоп… Что-то гналось за ней.

Второй этаж, первый… Вероника добежала до калейдоскопной регистратуры, и тут ее схватили за ногу. Она упала и больно ударилась, но это было не страшно по сравнению с сокрушительной безумной паникой.

Кто-то крепко сжимал ее щиколотку.

Не позволяй им себя касаться.

Послышался стук. Вероника ничего не видела, но подумала, что упал стул, который стоял в лифте. Значит, кто-то был и там.

Существо у ее ноги зашипело.

Их пугают ненастоящие лица.

Вероника изогнулась и в отчаянии запустила куклу в невидимого противника. Нелепый слабый удар вдруг подействовал: хватка разжалась. Вероника вскочила на ноги и бросилась к выходу. Свежий воздух ударил ей в лицо пьянящей волной — свобода! — но она не остановилась.

Вслед Веронике несся яростный вопль.

Глава 4. Дом возле парка

Вероника почти не помнила обратную дорогу. Промзона пронеслась мимо расплывчатым пятном. В автобусе, благо они еще ходили, у нее разболелась голова и накрыл резкий упадок сил. Выйдя на своей остановке, Вероника с трудом могла передвигать ноги. Домой она приплелась еле живая и села прямо на пол в прихожей.

Странно, но поначалу к ней никто не вышел. Вероника достала телефон и посмотрела на экран. Прошло всего два с половиной часа, а казалось, что целая вечность. Может, в больнице время идет как ему угодно? Не зря же кто-то нарисовал в альбоме часы с покореженными стрелками.

Наконец в прихожую выглянул отец.

— Загулялась?.. Ты чего?

— Ничего. Устала.

Отец пристально посмотрел на нее. Куртка и джинсы грязные, на щеке царапины — поранилась, когда упала. Выражение лица отсутствующее, взгляд затуманенный.

— Ты пила? — неуверенно спросил отец.

— Нет.

— Тебя… кто-то обидел?

Вероника подумала о Юре и с усилием покачала головой из стороны в сторону. Обидел — мягко сказано. Скорее, практически убил. Но отец спрашивал не об этом. Расскажи она ему, тот скажет: обычный розыгрыш, да и вообще сама виновата — поперлась на ночь к черту на рога, в заброшенное здание.

— Мне стало нехорошо. Я упала по дороге.

— Что с тобой?

— Голова болит… Сил нет.

Отец помог ей подняться и снять верхнюю одежду. Вероника, с трудом держась на ногах, побрела в ванную. Отец настоял, чтобы она не закрывала дверь, и попросил Лару последить. Потом ей дали какую-то таблетку и уложили в постель.

Веронику пытались тревожить кошмары, но уют и тепло родной кровати оказались сильнее. Лишь через девять часов более или менее спокойного сна перед ней появилась игровая комната.

У кукольной крепости стояла женщина с рыжей звериной мордой вместо человеческого лица, из-под белого халата высовывался тигриный хвост. Она принялась расшвыривать игрушки и стулья. Маленькие девочки жались у стен. В приоткрытую дверь просунулась длинная серая рука.

Вероника вздрогнула и села на кровати, часто дыша.

Она дома. Все хорошо.

Голова побаливала. На часах — начало десятого. Будильник Вероника, конечно, не поставила, но почему ее никто не разбудил?

Ноги были ватными. Вероника хорошо поспала, однако сил почти не прибавилось. Она кое-как притащилась на кухню и налила воды. Чтобы ее выпить, пришлось сесть — перед глазами все плыло, руки дрожали от слабости.

— Проснулась? — в кухню вошла Лара. — Как себя чувствуешь?

Особого беспокойства в ее голосе не слышалось, но Вероника все равно была приятно удивлена. Видимо, отец вчера порядком встревожился.

— Голова немного болит.

— Я оставила на твоем столе таблетки, да и стакан воды, кстати. Если не пройдет через пару часов, выпей.

— Не увидела… Ладно. Спасибо.

— Я позвонила в школу и сказала, что ты не придешь.

Вероника с облегчением поставила пустой стакан на стол. По крайней мере, не придется идти на уроки. Она не чувствовала сил ни учиться, ни думать о том, что ее ждет. В духе Катьки было растрепать о «приколе» всем и каждому. А Юра наверняка подробно передал содержание их разговоров, поэтому можно ждать неприятностей похлеще, чем обидные насмешки.

Что касается самого Юры… Внутри как будто появилась кровоточащая рана. Вероника до сих пор не до конца поверила, что он так поступил. Юра не просто разыграл ее по указке Катьки. Расчетливо подошел, втерся в доверие, а потом увел и бросил в опасности. Если бы она не смогла выбраться — как это вообще ей удалось? — то наверняка просидела бы в заброшенной больнице до утра. Или…

Вероника содрогнулась. Утром ее бы тоже никто не стал там искать. Понимали ли Катька и Юра, что творят? Скорее всего. И от этого было еще больнее и страшнее.

Вернувшись в комнату, Вероника проверила телефон. Никаких сообщений. Наверное, Катька думала, что она так и сидит в больнице. Ну и хорошо.

За вынужденным прогулом последовали длинные выходные, случившиеся из-за каких-то технических работ в школе. Вероника не получала никаких звонков и сообщений, отдыхая душой без Катькиных заданий. Она допоздна валялась в постели и читала книги. Лара, против обыкновения, не заваливала ее хозяйственными делами и почти ни к чему не придиралась. Может, потому, что видок у Вероники после ночных приключений был еще тот — болезненно-бледная, слабая, с трясущимися руками. Она плохо спала, видела кошмары, перед глазами периодически пробегали темные точки и линии. Один раз, когда голова болела особенно сильно, Вероника четко увидела сгусток серой слизи, ползущий по стене, а потом моргнула — и непонятная мерзкая штуковина исчезла. В другой раз она услышала скрип двери и голос Юры. И вспомнила эти хлопки уродливых лап по полу. Их Вероника, по счастью, не услышала, но воспоминание заставило ее содрогнуться. Хлопки так походили на тот звук из подвала.

Для Вероники было очевидно: это все из-за стресса, поэтому жаловаться бессмысленно, все равно она никому не могла рассказать о произошедшем. «Само пройдет, забудется», — думала она. И была вдвойне рада этому решению, когда позвонил Даниэль.

— Привет, Вероника. Как твои дела?

— Привет! — Вероника так обрадовалась его звонку, что головная боль поутихла. — Хорошо.

— Ты заболела?

«Ясновидящий он, что ли?» — подумала Вероника, и Даниэль тут же невольно подтвердил ее мысль:

— У тебя странный голос.

— Да нет, все в порядке.

— Ну ладно, — судя по всему, Даниэль не слишком ей поверил. — Я с хорошими новостями. Для тебя есть жилье.

— Правда? — Вероника не поверила своим ушам. — Ты серьезно?

— Абсолютно серьезно. Комната в двухкомнатной квартире, но во второй комнате сейчас никто не живет, поэтому ты будешь одна. Вся необходимая мебель и техника есть. Улица Парковая, так что и от школы недалеко.

Это скудное описание прозвучало просто фантастически — словно Даниэль описывал параллельный мир, попасть в который могли лишь немногие избранные. Вероника выдохнула:

— Отлично!

— Осталось только, чтобы ты посмотрела, подходит ли тебе этот вариант. Если все устроит, о цене договоримся, она будет небольшой.

— А когда можно посмотреть?

— У меня есть время завтра вечером. Поговори с отцом, сможет ли он прийти.

— С отцом? — Вероника растерялась. — Может, я лучше сначала сама…

Даниэль мягко оборвал ее:

— Он должен быть в курсе с самого начала. Поверь. Ему точно не понравится, если ты поставишь его перед фактом. Ну и нет ничего хорошего в том, чтобы идти с малознакомым человеком в пустую квартиру. Это твоему отцу тоже не понравится.

Звук закрывающейся двери и голос Юры заскрипели в ушах и медленно растворились.

— Поняла, — пробормотала Вероника. — Хорошо, я поговорю с ним сегодня и позвоню.

— Буду ждать. До связи.

Радостное волнение заставило забыть о головной боли и придало сил. Вероника стала ходить по комнате, размышляя, как лучше подступиться к непростому разговору. Она была уверена: отец и сам не прочь куда-нибудь ее сплавить, а уж Лара тем более. Но говорить об этом в лоб, конечно, нельзя.

До возвращения отца с работы оставалось много времени. Не зная, чем себя занять, Вероника принялась за уборку. Окончательно навела порядок на лоджии, вымыла посуду, вычистила плиту, стол и кухонный шкаф. Перед глазами время от времени плыли темные полосы, в ушах шумело, но стоило вспомнить о комнате Даниэля, и становилось получше. Правда, один раз все же пришлось присесть — сильно закружилась голова. Вероника опустилась на табуретку и незаметно для себя просидела четверть часа.

В таком состоянии ее застала Лара.

— Ты вся в пыли, — поморщилась она. — Хватит тут шарить, сходила бы в душ.

Вероника не стала напоминать о том, что занималась уборкой, а не «шарила». Спор с Ларой точно не увеличит шансы съехать.

Струи горячей воды приятно ударили по телу. Вероника отступила, подстраиваясь под них, и почувствовала легкую боль в правой ноге. Посмотрела вниз. На щиколотке был заметный красный след.

Выключив воду, Вероника подождала, пока действие горячей воды сойдет на нет. Кожа подсохла и побелела — вся, кроме щиколотки. Вокруг нее тянулся пугающий отпечаток.

Веронику затошнило. Она понадеялась, что след исчезнет как можно скорее и перестанет напоминать об испытанном ужасе.

Поначалу отец и слышать ничего не хотел.

— Ты не можешь жить одна, тебе всего шестнадцать.

— Могу. Я ведь все умею. Папа, ты всегда говоришь о самостоятельности, а когда…

— Самостоятельность это одно, а переезд — совсем другое. Да и откуда я деньги возьму?

— Это же немного!

— Сколько — немного? А что ты будешь есть? И что это вообще за Даниэль такой?

Одни и те же аргументы ходили по кругу уже полчаса и наконец разбились об этот вопрос.

— Он священник.

— Священник? — вытаращился отец.

— Совсем молодой, — попыталась объяснить Вероника и тут же поняла, что этого говорить не стоило. — Да ничего такого, нас просто случайно познакомили… Он сказал, что есть комната…

Веронике не хотелось поднимать историю с кошельком, и, по сути, ее слова даже не были ложью — их с Даниэлем действительно случайно познакомили. Только не люди, а обстоятельства, но это уже нюансы.

Помощь неожиданно подоспела в лице Лары, которая краем уха слышала их разговор.

— Да посмотри ты на эту комнату, чтобы она успокоилась, — посоветовала она. — Даже интересно, кто это вздумал сдавать дешевое жилье. Либо дешево — это на какую-нибудь тысячу дешевле рынка, либо «комната» — это какая-нибудь гадкая кладовка.

Отец было забормотал, что лично его жилищный рынок никак не касается. Лара добавила:

— Заодно посмотрим, что за священник возомнил себя арендодателем.

Веронике совсем не понравилась эта фраза, однако именно после нее отец сдался:

— Ладно, уговорили. Сегодня?

— Мы говорили о завтра, — быстро сказала Вероника, — но я позвоню и спрошу, можно ли сегодня.

Она слушала гудки с замиранием сердца. К счастью, Даниэль ответил и сказал, что найдет время.

Лара тоже захотела пойти, поэтому на Парковую улицу отправились втроем. Вероника была сама не своя от волнения. Может, все-таки получится? Как было бы здорово жить одной, не боясь лишний раз столкнуться с Ларой, самой планировать свое время…

Неожиданно внутри похолодело: рядом зашевелились длинные темные руки. Вероника резко обернулась. Это были просто тени деревьев, покачивающихся от ветра. Посмотрев на них, Вероника сама едва не закачалась.

— Ты чего? — заметил отец. — Опять голова кружится?

— Да нет. Ветки зашуршали, и я подумала, там собака или еще что.

Вероника постаралась ответить как можно равнодушнее. Болезненное состояние уменьшало ее шансы на переезд вполовину, если не больше. Хотя голова и правда кружилась. На улице это было слабо заметно — почти все вокруг двигалось, сразу и не поймешь, это шутит шутки организм или глаза видят все как есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.